Н. Кузнецовъ.

ПО ПОВОДУ ТОЛКОВЪ

О ПРИНЯТІИ В. С. СОЛОВЬЕВЫМЪ

католицизма.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Алекс.-Невск. Общ. Трезвости, Обводный кан., 116.
1910.

Пров. 1959

Пр.

13.4235
Сот I

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

210669

По поводу толковъ о принятіи В. С. Соловьевымъ католицизма.

I.

Ко дню десятилѣтія со дня кончины выдающагося русскаго философа Владиміра Сергѣевича Соловьева, послѣдовавшей въ Іюлѣ 1900 года, выступилъ на сцену вопросъ: принялъ ли покойный философъ католицизмъ и, если да, то по какой причинѣ?

Послѣ В. С. Соловьева, какъ извѣстно, остались очень серьезные труды въ области философской и религіозной мысли. Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ немало людей прояснили свое религіозное сознаніе и укрѣпили свою колеблющуюся вѣру.

Поэтому вопросъ о принятіи В. С. Соловьевымъ католицизма, налагающемъ извѣстный отпечатокъ на всю его личность, имѣетъ общественное значеніе. Во всякомъ случаѣ онъ требуетъ возможно широкаго освѣщенія, при рѣшеніи его нужно поступать съ осторожностью и тщательно разбирать всѣ относящіяся къ этому вопросу сообщенія и разъясненія.

Уже годъ или два тому назадъ въ одномъ журналѣ, издаваемомъ въ Австріи, посвященномъ вопросу о соединеніи церквей и руководимомъ тамошнимъ католическимъ уніатскимъ митрополитомъ, появилось сообщеніе, что В. С. Соловьевъ принялъ католицизмъ и умеръ католикомъ. Сообщеніе это, однако, вызвало немало сомнѣній,

и съ тѣхъ поръ въ обществѣ стали циркулировать разные слухи. Конечно, нечего и говорить, что представители католицизма начали пользоваться именемъ В. С. Соловьева въ своихъ видахъ.

Недавно же въ газетѣ «Русское Слово» бывшій православный священникъ Николай Толстой, самъ перешедшій въ католицизмъ, въ формѣ письма въ редакцію, подтверждаетъ сообщеніе о переходѣ В. С. Соловьева въ католицизмъ. Мало того, Н. А. Толстой, состоящій уніатскимъ священникомъ, и былъ тѣмъ духовнымъ лицомъ, въ присутствіи котораго произошло присоединеніе Соловьева къ католической церкви. По словамъ автора письма, Соловьевъ говѣлъ послѣдній разъ въ русской церкви въ годъ своей болѣзни въ 1892 году, въ церкви св. Троицы, въ Москвѣ, на Пречистенкѣ, у настоятеля ея протоіерея Орлова. Около этого времени на сочиненія Соловьева,— разсказываетъ Н. А. Толстой,—было обращено особое вниманіе въ сунодальныхъ сферахъ, и на духовенство было оказано соотвѣтствующее давленіе. Русскіе священники сами перестали допускать В. С. Соловьева, какъ католика, къ св. Тайнамъ, и покойный философъ, «не желая обращаться къ латинянамъ, оставался безъ говѣнія, какъ какой-нибудь преступникъ, хотя велъ самую аскетическую жизнь и сильно тосковалъ объ этомъ лишеніи». Узнавъ о существованіи въ Москвѣ уніатскаго прихода, Соловьевъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы причаститься св. Таинъ, и обратился къ уніатскому священнику Толстому съ просьбой исповѣдывать и причастить его. Толстой, конечно, потребовалъ отъ него исповѣданія вѣры, и Соловьевъ громко прочелъ символъ вѣры по образцу, установленному для лицъ, присоединяющихся изъ христіанскихъ исповѣданій, и извѣстному подъ названіемъ «тридентинскаго». Къ этому исповѣданію Соловьевъ прибавилъ письменно еще слѣдующее явно католическое признаніе: «Какъ членъ восточной церкви,

я признаю единственнымъ арбитромъ въ дѣлѣ догматовъ и нравственности верховнаго апостола Петра, который живетъ и донынѣ въ своихъ преемникахъ, ибо не напрасно ему сказалъ Христосъ: Ты—Петръ и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою, и врата ада ея не одолѣютъ!»

И вотъ 18 февраля 1896 года въ домашней уніатской церкви въ квартирѣ Толстого, въ домѣ Соболева на Остоженкѣ, во Всеволожскомъ переулкѣ, произошло присоединеніе Соловьева, въ присутствіи членовъ семьи Толстого, причта и нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго петербургскаго и московскаго общества, тѣснаго кружка почитателей присоединяющагося и присоединяющаго, имена которыхъ Толстой, къ сожалѣнію, не называетъ, ссылаясь на отсутствіе у него полномочій для этого. В. С. Соловьевъ, поясняетъ Толстой, совершилъ свое присоединеніе къ католической церкви, но *безъ всякаго отреченія отъ православія*, простымъ исповѣданіемъ символа православной вѣры тридентинскаго собора, исповѣдавшись и публично причастившись за уніатскою обѣдней. Послѣ этого Соловьевъ сталъ полноправнымъ членомъ католической церкви, оставаясь въ православномъ обрядѣ до самой смерти. Поэтому, когда Соловьева спрашивали объ его исповѣданіи, то покойный философъ, будто бы, отвѣчалъ: «Я—православный», потому что, —добавляетъ Толстой,— онъ «считалъ католичество и православіе синонимами, а Римъ средоточіемъ праваго ученія».

Надѣемся, что Н. А. Толстой вполнѣ понимаетъ свою великую нравственную отвѣтственность передъ личностью покойнаго В. С. Соловьева за свое сообщеніе, и его нравственный долгъ пролить на все это какъ можно больше свѣта съ опубликованіемъ всего имѣющагося у него матеріала и точнымъ указаніемъ лицъ, которыя были свидѣтелями описываемыхъ Толстымъ событій въ жизни Соловьева. О такихъ общественныхъ дѣятеляхъ,

какъ В. С. Соловьевъ, мы должны знать по возможности всю правду, касающуюся ихъ общественнаго служенія, хотя-бы уже въ интересахъ его лучшаго пониманія. Поэтому будемъ ждать дальнѣйшихъ разъясненій Толстого, а пока обратимъ вниманіе на тѣ большія недоразумѣнія, которыя можетъ вызвать сообщеніе его о В. С. Соловьевѣ.

Прежде всего, на чемъ основываетъ Толстой свой разсказъ, что В. С. Соловьевъ безъ всякаго церковнаго суда, путемъ тайнаго бюрократическаго воздѣйствія синодальнаго вѣдомства на русскихъ священниковъ, оказался отлученнымъ отъ Православной Церкви? Кто такіе были священники, которые сами не допускали его къ пріобщенію, и каждый въ отдѣльности присваивалъ себѣ право, на основаніи личныхъ соображеній, объявить человѣка католикомъ по существу его церковно-религіозной жизни?

Если В. С. Соловьевъ сталъ въ душѣ католикомъ, почему-же онъ, какъ передаетъ Толстой, не желалъ обращаться къ латинянамъ для исповѣди и пріобщенія? Изъ сообщенія Толстого выходитъ, какъ будто Соловьевъ готовъ былъ допускать возможность этого лишь въ формѣ греко-уніатскаго обряда. Но тогда не понятно, почему онъ совершилъ это лишь въ 1896 году, узнавъ о существованіи въ Москвѣ уніатскаго прихода, а съ 1892 по 1896 годъ оставался безъ исповѣди и пріобщенія, «сильно тоскуя объ этомъ лишеніи», хотя прекрасно зналъ о существованіи уніатовъ, напримѣръ, въ предѣлахъ Австріи, пограничныхъ съ Россіей. Особенно-же страннымъ представляется утвержденіе Толстого, что Соловьевъ присоединился къ католицизму, но безъ всякаго отреченія отъ православія.

Не думаемъ, чтобы въ Римѣ признали допустимымъ возможность такого невѣроятнаго происшествія въ католической церкви. Тамъ хорошо понимаютъ, что католи-

цизмъ отличается отъ православія не однимъ обрядомъ, но и принципами церковной жизни и самаго развитія духовной жизни въ людяхъ. Римскій католицизмъ на протяженіи вѣковой исторіи ясно выражалъ, что онъ не можетъ уживаться съ православіемъ. Одновременное вліяніе на людей католицизма и православія нерѣдко выступаетъ въ его глазахъ на подобіе соединенія огня и воды. Самая унія допущена Римомъ подъ условіемъ признанія главныхъ принциповъ римско-католической церковной жизни, и уніатамъ позволено лишь сохранять православный обрядъ, имѣющій вообще второстепенное значеніе.

Унія вовсе не есть объединеніе православія и римскаго католицизма или признаніе со стороны Рима равноправія за православіемъ, и въ этомъ нечего морочить русское общество. Унія не болѣе какъ одно изъ средствъ для облегченія окончательнаго перехода въ римскій католицизмъ.

Не отрекаясь отъ многихъ принциповъ православія, нельзя сдѣлаться не только римско-католикомъ, но и уніатомъ.

Не угодно-ли читателю остановить вниманіе хотя-бы на содержаніи той самой подписки, которую взялъ Толстой отъ Соловьева и которая приведена нами выше?

Черезъ эту подписку Соловьевъ обязывался извѣстныя слова Христа ап. Петру (Мѳ. XVI. 16—19), сказанныя въ связи съ исповѣданіемъ апостоломъ Божества Спасителя, понимать въ томъ смыслѣ, будто-бы этимъ ап. Петръ опредѣляется единственнымъ судьей въ дѣлѣ догматовъ и нравственности, и будто-бы апостолъ живетъ и донынѣ въ своихъ преемникахъ, то-есть папахъ римскихъ.

Между тѣмъ въ словахъ Спасителя: «ты еси Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою»... православ-

ное сознаніе почти уже 2000 лѣтъ усматриваетъ указаніе Спасителя на значеніе исповѣданія Петра, которое онъ съ особенной ясностью и энергіей произнесъ и отъ лица всѣхъ другихъ апостоловъ. Камнемъ названъ не апостолъ Петръ вообще, въ его отличіе отъ другихъ апостоловъ, а Петръ, какъ первый выразитель исповѣданія Божества Спасителя, которое и лежитъ въ основаніи Церкви. Изъ Евангелія ясно, что рѣчь идетъ именно объ этомъ исповѣданіи, и включать въ содержаніе понятія исповѣданія—понятіе единственнаго судьи въ дѣлѣ догматовъ и нравственности значитъ—перетолковывать смыслъ евангельскаго разсказа и смѣшивать два разныя понятія.

Какъ показываетъ тысячелѣтній опытъ исторіи, можно очень горячо и твердо исповѣдывать Божество Христа и не быть даже хорошимъ судьей въ вопросахъ догматовъ и нравственности. Поэтому православіе признаетъ такое право не за однимъ какимъ-либо человѣкомъ, хотя-бы онъ былъ первый епископъ и носилъ самый громкій титулъ, а за сознаніемъ всей Церкви.

Вообще какъ-то мало вѣрится,—да проститъ мнѣ Н. А. Толстой это сомнѣніе,—чтобы В. С. Соловьевъ, съ его большимъ философскимъ умомъ и образованіемъ, могъ считать католичество и православіе синонимами и послѣ переданнаго имъ Толстому изложеннаго письменно католическаго исповѣданія могъ искренно называть себя православнымъ. Тутъ кроется какое-то недоразумѣніе, что-то такое не договаривается, и все сообщеніе нуждается въ болѣе широкомъ освѣщеніи и подтвержденіи.

Въ интересахъ выясненія истины остается пожелать, чтобы протоіерей Орловъ и другія духовныя и свѣтскія лица сообщили все извѣстное имъ относительно перехода Соловьева въ католицизмъ. Когда этотъ фактъ будетъ твердо установленъ, мы и попытаемся въ немъ разобраться.

II.

Послѣ сообщенія Н. А. Толстого о переходѣ В. С. Соловьева въ католицизмъ, около этого вопроса мало-помалу начинаютъ накопляться всякаго рода соображенія и разъясненія. Дѣло по обыкновенію не обходится, конечно, безъ стараній навязать безмолвному теперь философу свои излюбленныя мысли и мечты, вслѣдствіе чего темнота, до сихъ поръ окружающая этотъ вопросъ, еще болѣе сгущается.

Это особенно замѣчается на представителяхъ той сѣрой народной среды, которая по своей неопредѣленности и неустойчивости легко поддается всякимъ вліяніямъ и въ настоящее время уже значительно, но часто безсознательно для самой себя, проникнута современнымъ стремленіемъ къ религіозной безпринципности и разрушенію связи съ конкретнымъ религіознымъ началомъ, обнаружившимся въ исторіи.

Какъ образецъ этого, едва ли не слѣдуетъ разсматривать недавнія разсужденія въ газетѣ *Русское Слово* бывшаго православнаго священника Г. С. Петрова.

Г. Петровъ вполнѣ сознаетъ, что какъ понятія «католикъ» и «уніатъ», такъ и понятіе «православный», имѣютъ свое ясное и опредѣленное содержаніе, но всѣ ихъ онъ считаетъ неподходящими къ Соловьеву. Всякій переходъ изъ одной церкви въ другую, поясняетъ онъ, предполагаетъ разрывъ со старою покидаемою церковью или религіей. Если магометанинъ переходитъ въ христіанство или въ буддизмъ, то значитъ—онъ оставляетъ магометанство. Точно такъ же и католикъ, переходя въ лютеранство, лютеранинъ въ православіе, православный въ унію, въ католичество, въ старообрядчество, въ штунду, въ баптисты, во что угодно,—своимъ переходомъ заявляютъ разрывъ съ ихъ былою церковью. Вл. Соловьевъ же не порывалъ связи съ православіемъ, предъ смертью исповѣ-

дывался и причащался у православнаго священника,— какъ же ему можно наклеивать ярлыки: то «католикъ», то «уніатъ»?

Въ дѣйствіяхъ Соловьева г. Петровъ не усматриваетъ ни перехода въ католицизмъ, ни принятія уніи, какъ она понимается уніатами, а видитъ въ нихъ «нѣчто высшее, пока, можетъ-быть, единственное, и потому достойное того, чтобы не было неправильно истолковано». По «правильному» же толкованію г. Петрова оказывается, что нашъ покойный философъ всѣмъ этимъ не болѣе и не менѣе, какъ объединилъ въ своемъ лицѣ православіе и католичество. «Всечеловѣкъ въ политикѣ, В. С. Соловьевъ, видите-ли, былъ всехристіаниномъ въ религіи». Философъ, разсуждаетъ г. Петровъ, желая объединенія всѣхъ народовъ, подобно орлу въ ясной синевѣ небесъ, высоко поднялся надъ всякаго рода національными перегородками, и объединеніе его съ тѣми или другими развѣ обозначало обращеніе Соловьева въ нѣмца, англичанина, японца? Въ этой-то «царящей надъ всею пестротой жизни синевѣ небесъ», будто бы, былъ В. Соловьевъ и въ «области религіозныхъ настроеній».

Съ этой точки зрѣнія г. Петровъ находитъ нужнымъ дружески упрекнуть своего соработника по газетѣ, уніатскаго священника Н. А. Толстого, за его духовную узость, за то, что Толстой потребовалъ отъ Соловьева провозглашенія тридентскаго символа вѣры и явно католическаго признанія значенія римскаго папы. В. С. Соловьевъ, утверждаетъ г. Петровъ, имѣлъ большее сердце. Онъ могъ вмѣстить въ своей душѣ и православнаго, и уніата, и католика, а они всего его не принимали и требовали: прочти то, прочти это. Они были христіане, онъ—всехристіанинъ.

«Всехристіанинъ и принялъ исповѣданіе тридентскаго собора, какъ принималъ ранѣе и послѣ никейское исповѣданіе. Но признаніе того и другого ясно означаетъ

примиреніе ихъ, а не преимущественное отличіе одного изъ нихъ»...

Такимъ образомъ, слѣдуя разъясненіямъ г. Петрова, приходится поздравить міръ съ нарожденіемъ въ лицѣ В. С. Соловьева новаго типа въ области религіи—всехристіанина. Изъ разъясненій г. Петрова видно также, что новый религіозный типъ зародился не тамъ, гдѣ живутъ всѣ люди, а гдѣ-то высоко въ синевѣ небесъ, гдѣ парятъ орлы. Попробуйте подняться, напр., на верхній ярусъ башни Эйфеля въ Парижѣ и посмотрѣть оттуда внизъ. Обычныя различія и особенности предметовъ, бросающіяся въ глаза, когда мы ходимъ ногами по землѣ, какъ-то сглаживаются, и чѣмъ выше мы стали бы парить надъ землей, тѣмъ болѣе уравнивается для нашего глаза все находящееся на землѣ. Поэтому зарождающіеся на такихъ высотахъ типы мало пригодны къ земнымъ условіямъ по несоотвѣтствію ихъ той жизни, которая кипитъ въ самомъ низу. Спускающійся къ намъ изъ синевы небесъ всехристіанинъ г. Петрова представляетъ собой человѣка, способнаго одновременно жить религіозною жизнью различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Онъ принимаетъ одинаково разные символы вѣры, признаетъ разные принципы и понятія о церкви, готовъ приступать къ таинствамъ у представителей всякихъ исповѣданій и т. п. Все это, по мнѣнію г. Петрова, послѣдствіе необычайной широты религіознаго взгляда у всехристіанина и означаетъ примиреніе въ немъ разныхъ исповѣданій.

Какъ понимаетъ г. Петровъ существующія на землѣ разныя вѣроисповѣданія,—неизвѣстно. Но лица, глубоко вникавшія въ этотъ вопросъ, какъ, напр., А. С. Хомяковъ, ясно указываютъ на существованіе важныхъ различій между христіанскими исповѣданіями, какъ въ ихъ основныхъ началахъ и принципахъ, такъ и въ составѣ самаго религіознаго настроенія людей.

Сознательно быть одновременно римскимъ католикомъ и православнымъ или православнымъ и протестантомъ логически невозможно. Чтобы не запутаться въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ, можно выбрать лишь одно вѣроисповѣданіе. Въ этомъ вполнѣ убѣждены и сами представители различныхъ исповѣданій, и такое убѣжденіе отнюдь не вызывается узостью ихъ кругозора, а самою природой тѣхъ вѣроисповѣданій, которыя мы встрѣчаемъ на землѣ.

Въ душѣ, живущей сознательною религіозною жизнью, не можетъ образоваться какой-то смѣси изъ разныхъ исповѣданій. При соприкосновеніи съ логикой такая смѣсь быстро разлагается.

Если ужъ стремиться къ соединенію церквей, то оно не можетъ выразиться въ формѣ какого-либо внѣшняго союза между церквами или образованія въ душахъ людей противорѣчащей смѣси изъ разныхъ исповѣданій. Для соединенія церквей прежде всего необходимо общее признаніе за тѣмъ или другимъ вѣроисповѣданіемъ самаго близкаго и непрерывнаго нравственно-духовнаго преемства съ источникомъ христіанства и его первыми представителями—апостолами.

Людямъ, готовымъ раздѣлять соображенія г. Петрова, не мѣшаетъ познакомиться со II томомъ полнаго собранія сочиненій А. С. Хомякова. Со свойственною ему глубиной мысли, Хомяковъ разъясняетъ, что къ вопросу о соединеніи церквей можно примѣнять лишь понятіе единства, а не понятіе союза. «Союзъ! замѣчаетъ Хомяковъ,—да это то, съ чѣмъ носится міръ политическій, это раздоръ, замазанный снаружи, это ложь договаривающихся между собой интересовъ, это обоюдное равнодушіе въ жизни и безвѣріе въ мнѣніи, это, наконецъ, то, что Церкви невѣдомо, а Царствію Божію чуждо». «Можно ли, спрашиваетъ Хомяковъ, не шутя предположить, что св. апостолъ Павелъ допустилъ бы, напри-

мѣръ, раздачу Евхаристіи двумъ лицамъ, изъ которыхъ одно принимало бы ее, какъ кусокъ бѣлаго хлѣба и глотокъ вина, а другое—какъ самое тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, Того, передъ Кѣмъ всѣ колѣна преклоняются съ любовью и страхомъ? Или можно ли предположить, что ап. Павелъ допустилъ бы единство общенія для такихъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ вѣрилъ бы, что Богъ открываетъ Себя взаимной любви служителей Христовыхъ, т. е. закону нравственному, а другой увѣрялъ бы, что познаніе Божественныхъ предметовъ пріурочено къ клочку земли, называемому, можетъ быть, Римомъ, или какъ-нибудь иначе,—все равно?»

Ужъ не думаетъ ли г. Петровъ, что и апостолы были всехристіане въ указываемомъ имъ смыслѣ? По крайней мѣрѣ, онъ какъ-будто склоненъ находить этотъ типъ во времени до раздѣленія церквей и относить къ нему, напримѣръ, св. Іоанна Златоустаго, называя его достояніемъ и западныхъ, и восточныхъ христіанъ. Но, конечно, достаточно знакомый съ личностью и сочиненіями Іоанна Златоустаго не рѣшится утверждать, будто въ этомъ лицѣ соединился и примирился и православный, и католикъ.

Точка зрѣнія г. Петрова приготовляетъ своего рода наклонную плоскость для человѣческой мысли. Покатившись по ней, человѣческая мысль едва ли можетъ остановиться на воображаемомъ г. Петровымъ типѣ всехристіанина, и пойдетъ далѣе. Даже этотъ типъ можетъ оказаться въ ея глазахъ узкимъ сравнительно съ какою-либо еще болѣе широкою смѣсью въ области религіозныхъ вѣрованій, образующею человѣка всерелигіознаго, способнаго вмѣстить въ своей душѣ и христіанство, и магометанство, и буддизмъ. Но едва ли бывшій священникъ Петровъ будетъ оспаривать, что это—путь къ вырожденію религіи въ душѣ людей, и онъ ведетъ не только къ религіозному индифферентизму, но легко можетъ окончиться полнымъ атеизмомъ.

До сихъ поръ въ человѣчествѣ обнаруживались попытки выдѣленіемъ изъ разныхъ христіанскихъ исповѣданій того, что у нихъ есть общаго, создать какое-то отвлеченное христіанство, примиряющее собой всѣ вѣроисповѣданія. Подобное христіанство сдѣлалось цѣлью, напримѣръ, извѣстнаго Священнаго Союза въ началѣ XIX столѣтія между тремя государями Европы. Однако, всѣ попытки образовать христіанство внѣ его историческихъ вѣроисповѣдныхъ формъ оказывались ничего не стоящими при соприкосновеніи съ дѣйствительною жизнью и вели лишь къ разложенію религіи.

Соединить же въ душѣ человѣка понятія и настроенія всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, какъ они есть, едва-ли кому-либо приходило въ голову. Такое стремленіе всего легче навязывать умершимъ, которые уже не могутъ непосредственно защитить самихъ себя.

Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ покойному В. С. Соловьеву, способному разбираться въ самыхъ сложныхъ вопросахъ философіи и религіи, недостаточно высказать одно, ничѣмъ не доказанное утвержденіе, чѣмъ въ сущности и ограничивается разъясненіе г. Петрова. Здѣсь нуженъ не газетный фельетонъ, а серьезное изслѣдованіе на основаніи внимательнаго изученія сочиненій В. С. Соловьева и всѣхъ извѣстныхъ намъ данныхъ объ его личности.

Утвержденіе г. Петрова вызываетъ сомнѣніе уже тѣмъ, что онъ называетъ Соловьева политикомъ и приписываемое философу всехристіанство ставитъ въ связь съ его политикой. Но, насколько извѣстно, Соловьевъ вовсе не былъ политикомъ, а лишь писателемъ, философомъ, проповѣдникомъ. Объ этомъ отчасти свидѣтельствуетъ и разъясненіе г. Петрова, что Соловьевъ былъ всечеловѣкомъ въ политикѣ. Но при настоящихъ условіяхъ жизни всечеловѣкомъ можно быть лишь въ воображеніи, а не въ политикѣ, какъ въ сферѣ ближайшихъ интересовъ и

реальныхъ дѣйствій. Всечеловѣкъ въ политикѣ именно и не политикъ, а мечтатель, и его мѣсто не въ области практической дѣятельности, а въ замкнутомъ отъ жизни кабинетѣ или высоко отъ земли, въ синевѣ небесъ.

Если Соловьевъ, какъ разъясняетъ г. Петровъ, былъ такимъ же всехристіаниномъ въ религіи, какимъ всечеловѣкомъ въ политикѣ, тогда другое дѣло, и вопросъ выносится уже изъ сферы реальной религіозной жизни. Но даже и въ области мечты едва-ли можно приписывать Соловьеву одинаковое стремленіе и въ политикѣ, и въ религіи. Національныя перегородки, какъ бы крѣпки онѣ еще ни были, дѣйствительно теряютъ значеніе, когда люди начнутъ жить свойственною имъ по природѣ христіанскою жизнью. Но различія вѣроисповѣдныя вліяютъ на самый процессъ этой жизни, вызывая въ ней непримиримыя направленія и черты. По вопросу о соединеніи церквей даже и мечтать-то можно не о смѣшеніи, а лишь объ измѣненіи тѣхъ направленій и чертъ, которыя не соотвѣтствуютъ непрерывному нравственно-духовному преемству съ источникомъ христіанства.

Непрочность предположеній г. Петрова о Соловьевѣ обнаруживается затѣмъ и въ томъ, что г. Петровъ при своихъ соображеніяхъ оперируетъ, повидимому, съ очень страннымъ, — чтобы не сказать больше, — понятіемъ православія. У многихъ людей, въ большинствѣ равнодушныхъ къ религіи, сдѣлалось обычнымъ судить о православіи не по основнымъ его началамъ, не по ученію и дѣятельности апостоловъ и ихъ многочисленныхъ великихъ преемниковъ, а по мнѣніямъ и дѣйствіямъ, напр., К. П. Побѣдоносцева, а въ послѣднее время даже и такихъ лицъ, какъ г.г. Скворцовъ, Айвазовъ, о.о. Восторговъ, Иліодоръ и друг. Въ этомъ отношеніи сложились какія-то стереотипныя фразы, разсчитанныя на уличную или митинговую толпу, которыми прямо пользуются многіе публицисты, а, въ томъ числѣ, къ удивленію, и г. Петровъ. Если обыч-

ная сѣрая публика, лишенная серьезнаго образованія, при своемъ ограниченномъ кругозорѣ, готова судить объ явленіи не во всей его широтѣ, а лишь по своимъ одностороннимъ и случайнымъ впечатлѣніямъ, то неужели бывшій священникъ, прошедшій курсъ Духовной Академіи, не въ состояніи отдать себѣ ясный отчетъ въ принципахъ и процессѣ православной церковной жизни и не смѣшивать ихъ съ отдѣльными дѣятелями православія. Неужели же при отрицаніи такихъ дѣятелей въ православіи не остается уже коренныхъ отличій отъ римскаго католицизма?

Если бы г. Петрову пришлось жить, наприм., во время аріанскихъ смутъ въ церкви, когда многіе представители православія склонялись къ аріанству, то хорошіе же могли-бы у него сложиться понятія о православіи. Оперируя съ ними, не трудно было бы смѣшать православіе даже съ вѣрами нехристіанскими.

Вѣдь по заблуждающимся и забывшимъ о задачахъ своего служенія пастырямъ нельзя же судить о православномъ священствѣ, по неправильно понимающимъ свои обязанности миссіонерамъ—о православной миссіи, по вкравшимся въ церковное управленіе недостаткамъ—о православіи вообще.

Наконецъ, если-бы г. Петровъ вмѣсто простого навязыванія покойному философу своего всехристіанства, попытался обратиться для подтвержденія своихъ соображеній къ сочиненіямъ В. С. Соловьева, то онъ, вѣроятно, удержался бы отъ придуманнаго имъ разъясненія вопроса. Наприм. въ IV томѣ полнаго собранія сочиненій В. С. Соловьева, въ статьѣ «Великій споръ», г. Петровъ нашелъ-бы ясныя указанія на важныя различія въ существующихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ и на многія неправды или грѣхи католицизма.

Въ католицизмѣ Соловьевъ усматриваетъ присутствіе

папизма, того, что онъ называетъ «нечистымъ теченіемъ мыслей и дѣлъ». Соловьевъ съ грустью констатируетъ извращеніе римскимъ католицизмомъ столь любимой имъ теократической идеи. Своими стремленіями къ насильственному подчиненію духовной власти и подавленію мѣстной церковной независимости католицизмъ, по разъясненію Соловьева, закрѣпилъ раздѣленіе церквей и сдѣлалъ безуспѣшными всѣ попытки къ возсоединенію, и этотъ печальный фактъ показалъ, что «Церковь насильственно объединяема быть не можетъ». Своимъ стремленіемъ къ мірскому владычеству, надъ мірскими началами и властями—не свободною силою духовнаго человѣка, побѣдившаго міръ, а плотскимъ и рабскимъ насиліемъ,—папизмъ вызвалъ борьбу съ церковной властью со стороны государства, и борьба эта показала, что «Церковь насильственно надъ міромъ господствовать не можетъ». Своимъ стремленіемъ вынудить покорность у человѣческой совѣсти, навязать душѣ свой авторитетъ внѣшними средствами, доходившими до уголовныхъ наказаній и пытокъ, папизмъ подготовилъ появленіе протестантизма, которое показало, что «человѣкъ насильственно спасенъ быть не можетъ». Таково отношеніе В. С. Соловьева къ папизму, а папизмъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ соединенъ съ римскимъ католицизмомъ на подобіе того, какъ раскаленное желѣзо проникнуто огнемъ. Поэтому, если Соловьевъ и говоритъ о соединеніи съ Католической Церковью, то онъ, очевидно, имѣетъ въ виду католицизмъ, рисующійся ему въ идеалѣ, который можетъ получиться послѣ очищенія католическаго сознанія отъ папизма. Но вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего новаго, и подобное условіе для соединенія Церквей всегда признавалось нужнымъ представителями православія. Во всякомъ случаѣ отсюда никакъ нельзя вывести, приписываемую Соловьеву, возможность перемѣшать въ своей философской душѣ православное настроеніе съ римско-католическимъ, пропитаннымъ папизмомъ, на который

и разсчитаны многіе основные обряды и требованія Католической Церкви.

Еще менѣе, при знакомствѣ съ сочиненіями Соловьева, можно говорить о его всехристіанствѣ, какъ способности вмѣстить въ себя всѣ христіанскія исповѣданія, если имѣть въ виду и протестантство. На основаніи разъясненія Соловьева о протестантствѣ легко притти къ выводу, что въ настроеніи сознательнаго протестанта не только нѣтъ какого-либо общаго начала для объединенія церквей, но въ немъ есть начало, прямо противорѣчащее этому. Ни религія ни совѣсть, по утвержденію Соловьева, не позволяютъ человѣку ставить свое личное мнѣніе мѣриломъ истины и свой произволъ мѣриломъ правды. Безъ сомнѣнія, въ глубинѣ человѣческой души, внутри каждой отдѣльной личности таится способность или возможность къ воспріятію всего божественнаго. Но для того, чтобы эта возможность перешла въ дѣйствіе, человѣкъ долженъ нравственнымъ актомъ самоотреченія преодолѣть свою дѣйствительную ограниченность и добровольно отдаться независимой отъ него вселенской истинѣ. Безъ этого, стремленіе человѣческой души къ божественному останется только субъективнымъ порывомъ—бездѣйственнымъ и безплоднымъ. Къ этому печальному результату, замѣчаетъ Соловьевъ, пришелъ и долженъ былъ придти протестантизмъ, отвергнувъ обязательное для одного лица значеніе вселенской церковной истины. Протестанты въ ихъ настоящемъ положеніи, по справедливому замѣчанію Соловьева, находятся внѣ церкви и относительно ихъ можно говорить не о соединеніи, а лишь о присоединеніи. Протестантамъ необходимо поставить себя въ другое отношеніе къ религіи и пріобрѣсти нѣчто, чего у нихъ нѣтъ, и безъ чего имъ нельзя объединиться съ Церковью.

Вмѣстѣ съ этимъ г. Петрову слѣдовало бы обратить также вниманіе на соображеніе, высказанное В. С. Соловьевымъ въ одномъ изъ его писемъ къ В. Л. Величко.

Когда человѣкъ по собственной волѣ, сознательно, намѣренно и безъ всякаго принужденія присоединяется къ извѣстному церковному учрежденію, то этимъ, по мнѣнію В. С. Соловьева, онъ заявляетъ свою солидарность съ этимъ учрежденіемъ. Въ такомъ направленіи мыслей Соловьевъ доходитъ до того, что считаетъ переходящими на человѣка грѣхи этого учрежденія и вину за разныя неправильныя дѣйствія его представителей.

Подобный взглядъ В. С. Соловьева едва-ли можетъ благопріятствовать предположенію г. Петрова о сохраненіи нравственно-духовной связи философа со всѣми христіанскими вѣроисповѣданіями.

Такимъ образомъ всехристіанство, навязываемое покойному Соловьеву г. Петровымъ, въ отношеніи дѣйствительнаго Соловьева, котораго мы знаемъ по его сочиненіямъ, во всякомъ случаѣ должно было оборваться у предѣловъ протестантства. Поэтому приписываемое В. С. Соловьеву всехристіанство всего скорѣе представляетъ изъ себя не болѣе, какъ построенную на почвѣ современной религіозной безпринципности фантазію, оскорбительную для памяти замѣчательнаго философа и религіознаго мыслителя.